

An oil painting of a young man and woman in a romantic pose. The man, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark blue jacket over a light-colored shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing an ornate, light-colored dress with intricate patterns. They are facing each other, nearly touching noses, in a moment of intimacy. The background is a soft, blue sky with some red flowers and leaves visible on the left and right edges.

Константин Козин

**Я найду тебя во все
времена**

18+

Константин ГааР Козин

Я найду тебя во все времена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73538223

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли любить не одного человека – и при этом не лгать ни себе, ни другим?

Можно ли забыть того, кто однажды стал частью твоей внутренней жизни?

И правда ли, что несбывшаяся любовь живёт дольше счастливой?

«Я найду тебя во все времена» – это роман в новеллах о памяти, любви, утрате и тех людях, которые остаются с нами навсегда, даже если были рядом всего одну ночь, один сезон или одну юность.

Содержание

Эрато	4
Эвтерпа	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Козин

Я найду тебя во все времена

Эрато

Его взгляд пронзил меня так, будто нашёл во мне что-то, о чём я и сама до той минуты не знала.

В квартире было темно, душно и громко. Музыка билась о стены, смешивалась с сигаретным дымом и чужим смехом. На кровати, не обращая ни на кого внимания, целовались моя подруга и её парень. Я сидела на подоконнике у приоткрытого окна, курила и делала вид, что мне безразлично всё вокруг.

Но это было не так.

Я давно заметила его. Он стоял чуть в стороне, среди других, и время от времени поглядывал на меня, тут же отводя глаза. В его движениях было что-то неуверенное, почти трогательное. Позже он признается, что долго подбирал слова и даже пытался придумать какую-то остроумную фразу для знакомства. Тогда же я просто наблюдала – искоса, с плохо скрываемой улыбкой.

Ему было семнадцать. Мне – двадцать.

Этой разницы хватало, чтобы я почувствовала над ним своё мнимое превосходство. Он казался слишком юным, слишком открытым для этого мира, слишком незащищённым. Но стоило мне улыбнуться – всего на секунду, пряча усмешку за сигаретной затяжкой, – как он всё понял. Робость слетела с него в одно мгновение. Он расправил плечи, поднял голову и подошёл ко мне так, словно только и ждал позволения.

Мы заговорили.

Он сказал, что пишет стихи. Я едва не рассмеялась – не от насмешки, а от неожиданности. В ту ночь всё в нём казалось слишком юным для настоящего: стихи, эта прямота, этот взгляд, в котором не было ни игры, ни расчёта. Потом он рассказал, что приехал из Средней Азии. И тут уже удивилась я по-настоящему.

Я тоже недавно приехала оттуда. Вернее, не приехала – бежала.

Он уехал ещё ребёнком, а я слишком хорошо помнила то место: сухой воздух, жару, пыль, тесные дворы, тяжёлые взгляды, страх, в котором выросли девочки. Оказалось, когда-то мы жили совсем рядом. Мы стали вспоминать обычаи, еду, слова, запахи, и незаметно разговор свернул туда, куда сворачивают только те, кто узнаёт друг в друге нечто общее: к тому, от чего бежали оба.

Нас связала не только случайная симпатия. Нас связала общая утрата.

Он был похож на моего брата – неуловимо, не внешностью даже, а каким-то внутренним движением. Теми же тёмными глазами, тем же стремлением говорить быстро, захлёбываясь словами, и тем, как вдруг спотыкался на них, будто собственные чувства мешали ему дышать. Мой брат был убит. И, наверное, именно поэтому этот мальчик с тёмными глазами с первой же минуты стал для меня опасно близким.

Музыка гремела всё так же громко, но между нами постепенно возникло что-то своё – отдельное от комнаты, от людей, от ночи. Мы говорили, смеялись, молчали, и в какой-то момент оказалось, что молчание уже ближе слов. Первый поцелуй случился будто сам собой.

Я помню, что в ту секунду испугалась.

Не его – себя.

Мне показалось, что он слишком легко входит туда, куда я никого не пускала. Что за этой нежностью скрывается мужская самоуверенность, знакомая мне по чужим историям, по женским шёпотам, по страхам, которые вращали в девочек раньше, чем приходила юность. Но когда он обнял меня, этот страх вдруг стал слабее. Он прижимал меня к себе так бережно, будто боялся причинить боль. Говорил что-то тихое, почти бессвязное, про мои глаза, в которых он потерялся. Гладил меня по волосам, и в этом жесте было столько неумелой, трепетной нежности, что осторожность начала таять.

Мне захотелось забыть всё, что я знала о жизни до него.

Мы оказались на кровати, и только тогда, на самом краю

этой близости, во мне поднялся другой голос – старый, суровый, отцовский. Я почти физически увидела его лицо: прямую спину, тяжёлый взгляд, ту непреклонную веру в женскую честь, с которой он прожил всю жизнь. Вспомнила страну, из которой мы бежали, и страх, ставший там для многих девушек судьбой.

Я резко отвела его руки и попросила не торопить меня.

Он сразу остановился.

Без раздражения. Без упрёка. Без обиды.

В этом было что-то такое, от чего у меня защемило сердце сильнее, чем от всех его поцелуев.

Я прижалась лбом к его груди и неожиданно для самой себя заплакала. Он растерялся, спросил шёпотом:

– Всё в порядке?

И тогда я сказала ему правду – почти детскую, почти невозможную в мои двадцать лет: что никогда раньше не целовалась с мужчиной.

Он долго смотрел на меня так, будто не верил.

А я, чтобы не объяснять больше ничего – ни отца, ни страх, ни свою прежнюю жизнь, – просто снова его поцеловала.

До рассвета мы лежали рядом и говорили о любви, как говорят о ней только очень юные или очень одинокие люди: серьёзно, доверчиво, будто от этих слов зависит сама жизнь.

Утром мы простились. Он сказал, что позвонит.

Я не оставила ему номер.

До сих пор не знаю, было ли это трусостью, благоразумием или той странной женской жестокостью, которая рождается не из холодности, а из страха перед счастьем. Я знала: отец никогда бы не одобрил эти отношения. Для него он был мальчиком. Для меня – тоже, если рассуждать разумно. Я заканчивала университет, мне уже давно внушили, что пора думать о серьёзной жизни, о семье, о будущем. А что мог дать мне этот семнадцатилетний поэт с тёмными глазами? Любовь? Но тогда мне казалось, что одной любви недостаточно.

Через несколько дней он всё-таки нашёл меня.

Когда зазвонил телефон, номер был незнакомый. Я ответила – и услышала его голос. До сих пор не знаю, каким чудом он раздобыл мой телефон. Может, через друзей, через подругу, через полузабытые разговоры той ночи. Но он нашёл.

Вечером мы встретились.

Он стоял в окружении друзей, в самом центре шумной компании, смеялся, шутил, заражал всех вокруг своей лёгкостью. И я вдруг увидела его иначе: не робкого мальчика, с трудом подбирающего слова, а живого, яркого, любимого другими человека. Мне захотелось сразу подойти к нему, встать рядом, снова оказаться в его руках. Но внутри всё ещё жила тень отца – и той жизни, где чувства редко побеждали страх.

Ночью он привёл меня в подвал, где репетировала их

группа. Там стояли барабаны, колонки, микрофон, спутанные провода. Место было сырым, тесным, почти убогим, но для него – настоящим миром. Он взял гитару, подошёл к микрофону и запел.

Я уже не помню точно всех слов. Помню только, что в песне были крыша, полёт, сломанное крыло, мои слёзы, ангелы, небеса – всё то, что в семнадцать лет кажется не метафорой, а подлинной тканью жизни. Он пел для меня. И в ту минуту я была для него не просто девушкой. Я была его первой любовью, первой тайной, первым большим чувством.

Наверное, именно это и напугало меня сильнее всего.

Мы смеялись, пели вместе с его друзьями, сидели рядом, касаясь плечами. Он всё время спрашивал, полушутя, полусерьёзно:

– Я твой котик?

И я, смеясь, отвечала:

– Ты мой котяра.

В этой игре было больше нежности, чем в признаниях.

Но когда мы остались вдвоём и тишина наконец отделила нас от других, я снова почувствовала, что он хочет сказать что-то важное. Может быть, попросить меня быть с ним. Может быть, назвать всё происходящее любовью. Может быть, просто спросить, есть ли у нас будущее.

Я не дала ему договорить.

Страх, как это часто бывает, заговорил раньше сердца. Я начала нести какую-то ненужную, поспешную ерунду – о

возрасте, о времени, о том, что всё слишком сложно, слишком рано, слишком неправильно. Я говорила и слышала себя будто со стороны, понимая, что ломаю что-то хрупкое, чего уже не смогу вернуть.

Он молчал.

Потом взял меня за руку и тихо, почти нараспев, сказал, что исчезнет из моей жизни, но не забудет меня никогда. Что будет любить меня во все времена.

Тогда мне это показалось красивой юношеской фразой.

Потом оказалось – клятвой.

Мы больше не виделись.

Я скучала по нему мучительно, упрямо, молча. По его голосу, по его рукам, по той нежности, которой не ждала и потому не смогла сразу принять. По ночам мне вспоминалось, как он шептал мне в волосы, как осторожно целовал в шею, как слушал меня так, будто в мире не было ничего важнее моих слов. Мне хотелось позвонить ему, но я не звонила. Может быть, ждала, что он сделает это первым. Может быть, снова пряталась за гордостью, за страхом, за нелепой взрослостью.

Через полгода он позвонил сам.

Я увидела на экране: «Котяра» – и сердце ухнуло куда-то вниз.

Он говорил легко, почти весело. Словно между нами не было разрыва. Словно не было той боли, которую я ему причинила. Мы проговорили весь вечер. Он сказал, что рядом

со мной открыл в себе другую сторону – не бунтаря, а человека, умеющего чувствовать глубоко и горько. Сказал, что скоро уходит в армию.

И тогда я сделала то, чего делать не имела права.

Я попросила его звонить мне каждый день до отъезда. Потом – из армии. А потом сказала, что когда он вернётся, мы обязательно встретимся. И ещё – что я тоже его люблю.

Я произнесла это поздно. Слишком поздно и слишком безответственно. Потому что уже в ту секунду знала: на прощанье не приду.

Так и вышло.

Когда он позвал меня проститься, я отказалась, сославшись на дела. Он не упрекнул меня. Только сказал на прощание:

– Ты в моём сердце навсегда. Я найду тебя во все времена. После этого он исчез.

Сначала я ждала звонка из армии. Потом – после армии. Потом ещё какое-то время жила, вздрагивая от каждого незнакомого номера. Потом жизнь, как ей и положено, пошла дальше.

Я встретила другого мужчину – черноволосого, ласкового, тоже немного младше меня. У нас родилась дочь. А потом, в один мартовский день, он ушёл из моей жизни так же неожиданно, как когда-то ушёл тот, первый.

Всю любовь, которая осталась во мне, я отдала дочери.

Она росла нежной, тихой, с тёмными глазами и тёмными

волосами, похожая на меня так сильно, что иногда мне становилось не по себе. По вечерам она прижималась носом к моему плечу и засыпала, едва слышно дыша. В эти минуты мне казалось, что жизнь всё-таки что-то мне простила.

Однажды мы пошли в книжный магазин купить ей новую сказку.

Пока она листала детские книги, я машинально подошла к полке с романами. Не потому, что искала любовь – скорее потому, что иногда прошлое само подходит к тебе сзади, когда ты меньше всего этого ждёшь. Я скользила взглядом по корешкам книг, и вдруг увидела название:

«Я найду тебя во все времена».

У меня похолодели руки.

Я потянула книгу с полки и увидела имя автора.

Его имя.

Дома я прочитала роман за один вечер, почти не дыша. Это была книга о любви, которую невозможно забыть. О девушке, которая испугалась собственного чувства. О юноше, потерявшем её не потому, что разлюбил, а потому, что однажды у него украли сим-карту, где был записан её номер – единственная ниточка, связывавшая его с ней. Он искал её. Долго. Упрямо. Но я к тому времени закончила университет, сменила круг общения, оборвала старые связи, ушла в другую жизнь – в материнство, в заботы, в выживание.

Мы потеряли друг друга не из-за судьбы.

Из-за страха. Из-за случайности. Из-за глупого челове-

ского несовпадения во времени.

Прочитав книгу, я не стала его искать.

Некоторые двери поздно открывать не потому, что за ними уже никого нет, а потому, что там навсегда осталась та версия тебя, которой ты больше не являешься.

Но иногда, очень тихими вечерами, когда дочь уже спит, а дом наполняется той особенной тишиной, в которой слышно прошлое, я думаю о нём.

О мальчике с тёмными глазами, который однажды пел для меня в сыром подвале, называл меня своей судьбой и обещал найти во все времена.

И мне хочется верить, что где-то — не здесь, не в этой жизни, не в нашей запоздалой человеческой реальности — он всё-таки меня нашёл.

Эвтерпа

Наша встреча случилась, как в одной глупой песне: мы познакомились в маршрутке.

С тех пор я эту песню ненавижу.

И всякий раз, когда мимо меня проезжает та самая маршрутка, я невольно возвращаюсь в тот вечер – в ту короткую, почти случайную точку времени, из которой потом выросла целая жизнь чувств.

Был поздний час. Я ехала на ночную смену. Села впереди, рядом с водителем, рассчитывая хотя бы в дороге побыть в тишине и доехать с относительным удобством. За окном медленно текли огни машин, витрины, перекрёстки, чужие лица, и я смотрела на всё это, почти ничего не замечая.

Я думала об отце.

Он ушёл совсем недавно, и мир после его смерти ещё не успел принять для меня привычные очертания. Всё в нём казалось надтреснутым, смещённым, ненастоящим. Я скучала по нему так сильно, что иногда это было похоже на физическую боль. Вспоминала, как в детстве он носил меня на спине, как крепко обнимал своими большими руками, как целовал меня в лоб, щёку, макушку, обязательно задевая бородой. От этих воспоминаний хотелось плакать. Я прислонилась щекой к холодному стеклу и старалась удержать слёзы.

В этот момент дверь резко открылась.

Я вздрогнула и едва не вывалилась с сиденья. Чья-то большая рука успела подхватить меня раньше, чем я успела испугаться по-настоящему. Рядом со мной сел высокий, широкоплечий парень с бородой. От него пахло крепким перегаром и сладким, слишком густым одеколоном. И всё же в ту секунду мне почему-то показалось, будто я уже знаю его. Не помню откуда, не могу объяснить почему – но было в нём что-то странно знакомое. Как будто он не вошёл в мою жизнь, а вернулся в неё.

Он заговорил сразу.

Говорил много, легко, не задумываясь о том, уместно ли это, интересно ли мне, готова ли я вообще слышать чужой голос в своём горе. Он рассуждал о звёздах – о том, что они умирают красиво, взрываясь светом, который потом ещё долго летит сквозь темноту. Говорил, что в миниатюрных женщинах почему-то всегда сосредоточено всё самое лучшее, что есть в человеке. Говорил с такой убеждённостью, будто давно меня знал и уже успел сделать обо мне какие-то выводы.

Потом предложил встретиться ещё раз.

Только, сказал он, не в маршрутке.

Сначала мне стало страшно. Не его – самой ситуации. Той странной внезапности, с которой этот человек вошёл в мой вечер, в мою печаль, в моё одиночество. Я согласилась почти машинально, скорее для того, чтобы он перестал настаивать и задавать свои настырные вопросы: почему нет, что меня

смущает, разве он мне совсем не по душе?

Если честно, я не хотела никакой встречи.

Моя жизнь к тому времени сложилась так, что я вообще не хотела, чтобы кто-то влюблялся в меня. После смерти отца я сама будто начала внутренне прощаться с жизнью. Мне казалось, что я тоже скоро уйду следом – не сразу, не сегодня, но неизбежно. Внутри меня поселилось тихое, почти равнодушное согласие с этим.

Но он позвонил.

И в его голосе было то тепло, от которого трудно отказаться, даже если очень стараешься. Он не уговаривал – просто говорил, и от его интонации всё звучало так, будто вечер уже решён за нас обоих. Мы договорились встретиться в кино. Я подумала: если фильм окажется хорошим, то, может быть, этот вечер хотя бы не будет напрасным.

Это был последний сеанс.

Он смотрел фильм с каким-то почти детским вниманием, и в этом было нечто трогательное. Почти не смотрел на меня, словно боялся спугнуть. Иногда тихо комментировал происходящее на экране, иногда шутил – коротко, точно, неожиданно смешно. И мне снова стало казаться, что я знаю его очень давно. Не разумом – телом, слухом, интонацией, какой-то внутренней памятью.

А потом он взял мою ладонь в свою.

У него была большая, тёплая рука. Моя ладонь в ней словно исчезла. И я почувствовала, как во мне что-то медленно,

почти обречённо тает.

Позже он признается, что в тот период ему просто отчаянно хотелось нежности. Не страсти, не драмы, не великой любви – именно нежности. Хотелось сидеть рядом с человеком, от которого веет добротой, тишиной, чем-то почти фиалковым, едва уловимым и хрупким. Тогда я этого не знала. Тогда мне лишь казалось, что рядом с ним во мне на время утихает боль.

После сеанса он, будто бы совершенно естественно, пошёл провожать меня домой. Жила я недалеко, и мы решили пройти пешком.

По дороге он рассказал, что пишет стихи.

Потом начал читать – свои, чужие, только что придуманные на ходу. Читал без стеснения, с тем особенным юношеским бесстыдством, которое бывает не от наглости, а от веры в то, что всё сказанное вслух имеет право на существование. А я шла рядом и смотрела на его профиль. Удивительно, но за всё это время я почти ни разу не поймала его прямой взгляд. Он будто избегал смотреть мне в глаза. Зато часто говорил о моём голосе. Признавался, что влюбился в него в ту же минуту, когда услышал мой испуганный визг в маршрутке. Ему всё казалось, что он уже где-то слышал этот голос раньше.

Возможно, и правда слышал.

Тогда я работала в колл-центре сотового оператора, и мой голос ежедневно жил в чужих трубках, в чужих вопросах, в

чужом раздражении и чужой благодарности.

Когда мы дошли до общежития, он вдруг очень тихо сказал, что не хочет, чтобы этот вечер заканчивался. И признался, что собирается бродить по ночному городу до утра, лишь бы не возвращаться сейчас домой.

Я удивилась и спросила почему.

Оказалось, он снимал квартиру с друзьями и специально оставил им эту ночь – дал возможность побыть наедине, пообещав вернуться только к утру.

Наверное, именно в этот момент я и совершила ту глупость, которая потом стала для меня и благословением, и проклятием одновременно.

Я пригласила его к себе.

Комната в общежитии была маленькая, тесная, с той особенной бедностью, которая в молодости ещё не кажется унижительной, а воспринимается просто как временность. Я постелила ему на полу.

Он пообещал, что не потревожит мой сон.

Я поверила.

Но спать он, кажется, не собирался. Он всё говорил и говорил. Сравнивал меня с луной, уверял, что в маленьких женщинах собрана самая чистая человеческая суть, повторялся, путался, снова находил слова. Я лежала и смотрела на него почти влюблённо. А он, как и прежде, почти не смотрел на меня – больше на окно, в которое лился лунный свет.

Он сдержал обещание.

Не я.

Я сама легла рядом.

Просто в какой-то момент поняла, что больше не могу оставаться на расстоянии. И оказалась в кольце его больших рук так естественно, будто всё к этому и шло с первой минуты нашей встречи.

Его поцелуи были неожиданно нежными – не жадными, не требовательными, а именно нежными, словно он боялся меня спугнуть. От его прикосновений по телу пробегала та дрожь, которую невозможно ни с чем спутать. Мир перестал существовать за пределами этой комнаты, этой ночи, этой близости. Мне казалось, что всё внутри меня наполняется светом и болью одновременно. Моё сердце билось так сильно, что я и вправду думала: ещё немного – и оно не выдержит.

Под утро, измученная и счастливая, я положила голову ему на грудь. Он медленно гладил мои волосы, потом мою руку – и вдруг замер.

Сначала я не поняла, что случилось.

Потом он очень тихо спросил:

– Почему я слышу, как бьётся твоё сердце, и чувствую, как по твоей руке течёт кровь?

Его ладонь лежала на катетере, вшитом в артерию.

Настала тишина, которую уже невозможно было заполнить ни поцелуями, ни шутками, ни стихами.

Я сказала ему правду.

Сказала, что, возможно, скоро умру. И что ему не стоит влюбляться в меня. Рассказала, как после смерти отца будто сама отказалась жить – и тело послушалось моего отчаяния. Моё горе оказалось сильнее, чем я думала. Почки отказали. Кровь перестала очищаться. Жизнь вдруг стала зависеть не от будущего, а от аппаратов, процедур, расписаний и внутренней выносливости, которой у меня тогда почти не осталось.

Я сказала ему, что эта ночь – первая и последняя.

Но он, держа меня за руку, тихо ответил, что я лгу.

Он чувствовал, как бьётся моё сердце. Слышал, как жадно я держусь за жизнь, даже если сама ещё не готова в этом признаться.

И, наверное, он был прав.

Потом он познакомил меня со своими друзьями, впустил в свой мир так легко, будто для него это уже было решённым: я в нём останусь. На Новый год я связала ему чёрный шарф. Он подарил мне коробку конфет – немного трогательно, немного неловко, как дарят не женщине, а любимой девочке. Он часто подхватывал меня на руки и носил так долго, будто хотел доказать и мне, и себе, что я невесома, что болезнь не имеет надо мной окончательной власти.

Он повторял, что он поэт.

А я отвечала, что люблю прозу.

Его это удивляло, и тогда я пыталась объяснить: стихотворение похоже на вспышку – короткую, яркую, почти невы-

носимую. А проза – на жизнь. На длительность. На возможность идти медленно и всё равно дойти. Я уже не торопилась умирать. Напротив – мне хотелось впервые растянуть удовольствие от жизни, пожить в ней не рывком, а долго, осторожно, вглядываясь в каждое мгновение.

Он же спешил.

Спешил так, будто чувствовал отпущенное мне время острее, чем я сама. Жадно вцеплялся в каждый вечер, тащил меня гулять, смешил, удивлял, придумывал, куда повести, чем порадовать, как отвлечь от больницы, от диализа, от усталости. А я после ночных процедур была выжата до дна. Иногда мне казалось, что во мне закончилась вся красная краска, и мир внутри меня стал бледным, почти прозрачным.

Всю жизнь мне казалось, что я тону.

Но когда он был рядом, я начинала дышать.

Именно поэтому всё между нами оказалось таким трудным. Я хотела жить медленно, сберегая силы, смакуя каждый глоток воздуха. Он хотел жить ярко, жадно, полно, будто и меня можно было спасти скоростью, избытком впечатлений, напором любви. Когда у него не получалось удивить меня, он начинал метаться, нервничать, почти паниковать. Как человек, который чувствует, что проигрывает не сопернику, а времени.

Наверное, в какой-то момент он просто перегорел.

Как перегорает хороший стих: вспыхивает слишком ярко, чтобы гореть долго.

Однажды он предложил расстаться.

Правда, по привычке всё равно звонил почти каждый вечер.

Тогда я сама предложила ему встретиться ещё раз. В последний. Мне хотелось хотя бы ненадолго снова почувствовать себя живой – не пациенткой, не телом с расписанием процедур, а женщиной, которой можно желать, которую можно любить, рядом с которой можно смеяться.

Он сказал:

– Так не должно продолжаться. Я молод. Я хочу жить. Хочу прожить свою жизнь ярко.

А я просила его остаться ещё немного. Не навсегда, не в обещаниях, не в клятвах – просто рядом. Предложила не быть обязанными друг другу.

Он улыбнулся.

А мне было мучительно стыдно произносить эти слова. Стыдно и больно.

Я пыталась скрыть от него, насколько сильно он ранит меня своей отстранённостью, но стоило ему взять меня за руку – и он всё понимал без слов. Моё сердце и правда разрывалось. Я злилась на себя, на свою слабость, на болезнь, на эту любовь, в которой с самого начала было больше обречённости, чем надежды.

Назло себе я решила жить «на полную» – и почти сорвалась.

Не сразу, не эффектно, не так, как это бывает в книгах.

Просто в какой-то момент поняла, насколько близко подошла к той внутренней границе, за которой человек уже не борется за себя, а равнодушно отпускает руки.

Однажды он изменил мне – почти демонстративно, не скрывая этого, будто хотел окончательно закрепить наши правила: у нас ведь нет обязательств, мы же сами так решили.

Я согласилась.

Да, сказала я, конечно, ты прав.

Но той ночью я не спала. Слёзы текли сами, и остановить их было невозможно.

Потом он исчез.

Я пыталась найти его – через знакомых, через случайные связи, через обрывки новостей о нём. А потом просто наблюдала издали, как в его жизни появилась другая любовь. И, как ни странно, была рада. По-настоящему. Потому что поняла: несмотря ни на что, я не желала ему несчастья.

Моя собственная жизнь тоже не закончилась.

В ней появился другой человек – хороший, добрый, надёжный. Человек с большим сердцем. Он тоже любит поднимать меня на руки, и наши дети любят его легко, естественно, без усилия. Иногда я думаю, что жизнь всё-таки умеет возвращать долг не тем, что отнимает боль, а тем, что однажды даёт покой.

А потом, однажды, в книжном магазине, я увидела роман под названием «Я найду тебя во все времена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.